

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Истина, которую знает
Грэм Грин,

или История его жизни с публикациями и замалчиваниями

Весной прошлого года газета «Таймс» дважды обращалась к Грэму Грину с просьбой откликнуться на анкету, разосланную многим именитым писателям в разные страны мира. «Что вы думаете о современной Америке?» — так звучал главный вопрос, ответы на который должны были войти в специальный выпуск. Грин долго не отвечал той газете, в которой он когда-то начинал как журналист.

— Почему? — спросил я. — Известно, что вы были долгие годы лишены права въезда в Соединенные Штаты, что ФБР вело за вами неусыпную слежку. Словом, у вас есть все основания иметь мнение о Новом Свете, и вы не раз высказывали его. Быть может, вы не хотели повторять того, что уже написали в своих мемуарах «Пути бегства»?

— Нет, на сей раз дело было в другом — в моих отношениях с прессой. Некоторые газеты причинили мне много зла в ходе судебной тяжбы, которую затеяли против меня власти Ниццы после публикации памфлета «Я обвиняю!» в начале 80-х. Я сам начинал как журналист и остаюсь им поныне. Уверен: кодекс чести — не пустые слова для журналиста, в какой бы газете он ни работал, какому бы делу ни служил. Когда им пренебрегают, когда сведение политических счетов выше истины, а рефлекс лжи опережает заботу о правде фактов, тогда я инстинктивно ошестиниваюсь: я не могу быть единомышленником недобросовестной прессы, а мой критический голос она очень ловко отвергает сама. Все это относится и к моим отношениям с «Таймс». Вот почему я посчитал тогда невозможным откликнуться на запрос газеты, проявившей неуважение к правде.

Уже расшифровав с диктофонной ленты запись нашей беседы, я, признаться, еще не вполне отдавал себе отчет, что именно эта часть разговора так точно высветит «Грина изнутри». Я понял это через несколько дней, когда на правах недавнего выпускника факультета журналистики МГУ попал... на второе интервью с ним. Его брала вся Коммунистическая аудитория факультета, набитая до отказа.

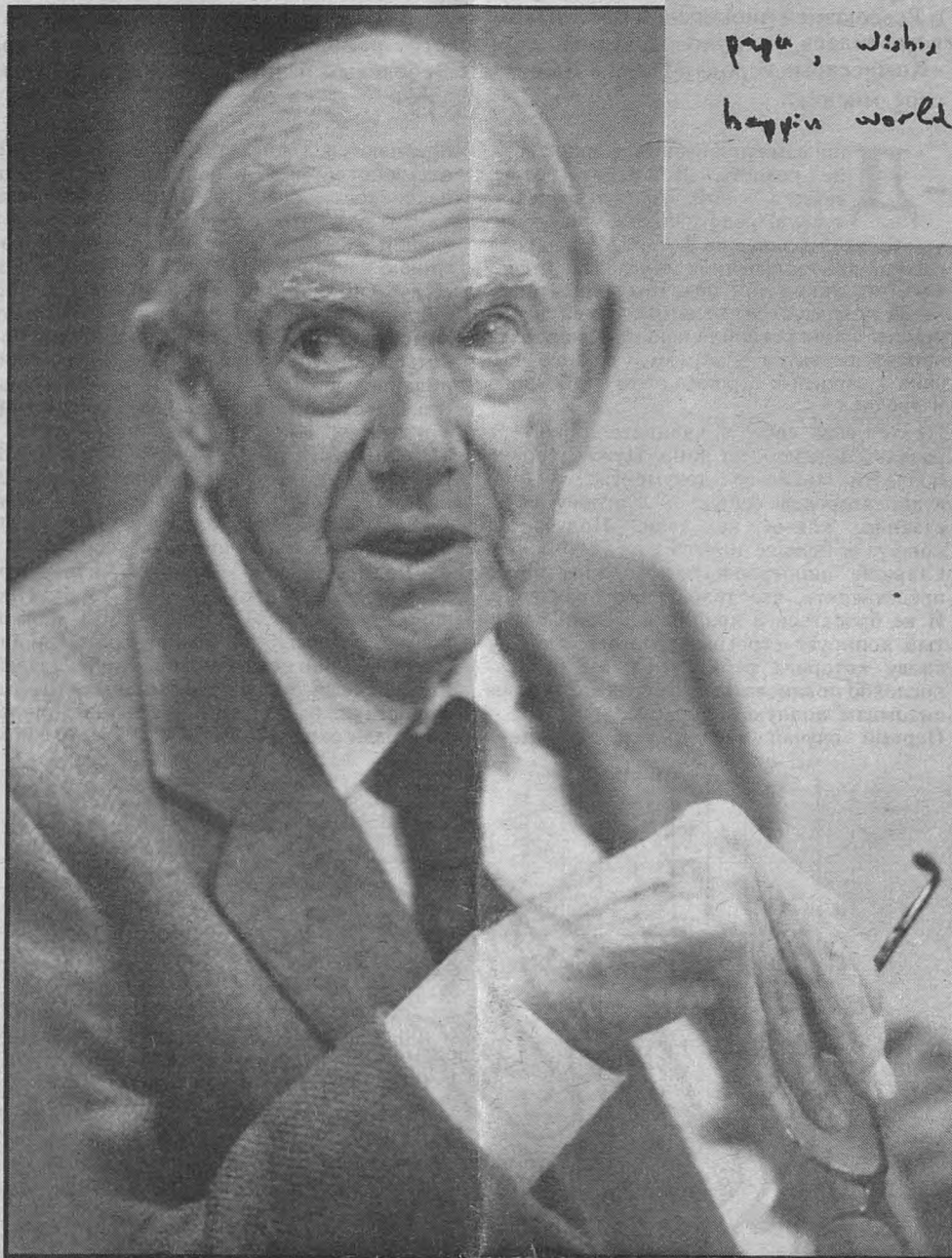

Фото Александра Карзаюнова

I would like to send my good wishes for 1987 to the young readers of your paper, wishing for a more peaceful & happy world.

Graham Greene.

Я хотел бы передать молодым читателям вашей газеты мои добрые пожелания на 1987 год — больше мира и счастья в мире. Грэм Грин.

ству», а затем ощущали себя «причастным». Не случайно ведь любовь к Мексике, Аргентине, Парагваю, Кубе, Гаити, Чили, Никарагуа в конечном счете вылилась в вашем творчестве в общую латиноамериканскую тему. Вы как бы стали общественным наблюдателем за положением дел в этом регионе мира, которого, негласно и неофициально, уполномочила на это прогрессивная мировая общественность. Разве это не политическое обязательство, к тому же взятое добровольно?

— С той разницей, — улыбнулся Грин, — что я не политик, а литератор, то есть смотрю на политику сквозь призму человеческих чувств. Можно выработать постоянное отношение к политическим и экономическим доктринам, но попробуйте-ка раз и навсегда утвердить определенный взгляд на людей! Вероятно, поэтому мне и случается иногда пересматривать свои пристрастия, свои взгляды. Я, кажется, немного похож на одного моего героя, журналиста Фаулера из «Тихого американца»: он тоже долгое время пытался оставаться нейтральным, заранее зная, что этого все равно не получится. Я — не красный и даже не розовый, как в последнее время меня пытаются изобразить на Западе. Но я — против тирании и империализма. И я — ангажированный человек. Это значит: взяв в руки перо, я считаю своим долгом высказывать свои убеждения и отстаивать их.

«Санди телеграф», 23 марта 1986 года: «Британии традиционно свойственно снисходительное отношение к политическим воззрениям своих великих писателей. Но теперь, когда Ее Величество сочла возможным оценить талант мистера Грина по достоинству и произвела его в кавалеры знаменитого Ордена почета, политические взгляды писателя воспринимать с прежним мягкосердечием уже нельзя...»

— Скажите, — вдруг спросил Грин, — зачитав мне этот загадочный текст, — а вы знаете, кто хуже всех понимает английский юмор?

— Быть может, сами англичане, — наудачу ответил я.

— Нет, — сказал он. — Те, кто уверен, будто шутит лучше других. — И добавил: — Больше всех в этом уверены американцы.

В самом деле, ограничившись, в духе «традиционной британской снисходитель-

других, еще хуже. Кажется, так я и стал писателем.

— В своих воспоминаниях вы заметили, что «литература — это терапия». От чего же она излечивает?

— От неискренности. Только творчество, на мой взгляд, позволяет разобраться в тех переживаниях и сложностях, которые гнетут, преследуют современного человека, с которыми иной раз и жить-то нельзя.

— «Человек изнутри» — так назвали вы свою книгу, которую пятьдесят семь лет тому назад сели писать в Беркхэмстеде. Не считаете ли вы теперь это название чересчур... многозначительным, что ли?

— Сегодня я не назвал бы роман так загадочно. Но, в общем, мысль я выразил точно и искренне: меня интересовал внутренний мир человека, его сущность и только через эту сущность — его связи с миром. И хотя я радовался, что книга нашла издателя, все же я искренне считал ее неудавшейся, даже в тот момент. Тем больше было мое недоумение, когда критики стали сравнивать меня с Вирджинией Вулф. А когда режиссер Сидней Бокс решил снимать по этой книге фильм, мне стало немножко страшно.

Книга действительно не пережила фильма, но меня научила многому. Я понял: стать писателем — это все равно что бросить в море бутылку с посланием. Успех зависит не столько от того, выловят бутылку или нет, сколько от того, что она содержит. Я бросил в читательское море уже полсотни таких посланий: иные были выловлены, прочитаны и забыты — причем не только читателями забыты, но даже и мной, — потому что содержавшееся в них было незначительно и необязательно для прочтения. Можно, как я это делал в молодости, писать о забытых контрбандистах времен карлистских войн, но в отдаленный исторический сюжет особенно трудно вложить современное звучание. Дело даже не в эпохах, к которым относятся сюжеты, а именно в чувстве времени: вот без чего настоящий писатель не может не только обойтись, но даже родиться...

«Поддаться чувству — это значит стать на чью-нибудь сторону»

— Существует ли на Западе свобода творчества? Что это такое? Как вы смогли опубликовать такие социально острые вещи, как «Тихий американец», «Почетный консул»?

— О, на Западе достаточно свобод в этой области, — улыбается Грин. — Но есть и кое-что еще. В Англии, например, — закон, запрещающий клевету. Во Франции запрещено вторжение в частную жизнь. Свобода творчества, таким образом, в зависимости от ситуации может трактоваться как клевета или как вторжение в частную жизнь. Я испытал это на себе — напомним историю с памфлетом «Я обвиняю!», который был направлен против преступного мира на южном побережье Франции. Вы, может быть, знаете, что книжка эта шла в магазинах из-под прилавка, а сам я держал за нее ответ перед судом. Правда тогда была на моей стороне, но я проиграл. Если не обращать внимания на подобные мелочи, писать на Западе можно о чем хотите.

Должен предупредить: у меня свой взгляд на творчество. Как писатель считаю себя прежде всего рассказчиком, а не проповедником той или иной политической или религиозной идеи. Роман рождается, когда герой приходит неизвестно откуда, когда он овладевает мыслью и воображением писателя, когда автор начинает жить одними чувствами с героем или, наоборот, вести в своем сердце с ним спор...

«С тоит поддаться чувству, и все мы рано или поздно становимся на чью-нибудь сторону». Эти слова произносит один из героев романа «Тихий американец». Через тридцать лет в своей книге о генерале Торрихосе Грэм Грин сформулировал эту мысль не как догадку, а как признание: он написал книгу о том, «как стал ко всему причастным» (именно такой подзаголовок у этой книги).

— По вашим романам можно проследить, как вырабатывалась ваша писательская позиция: вы сначала «поддавались чув-

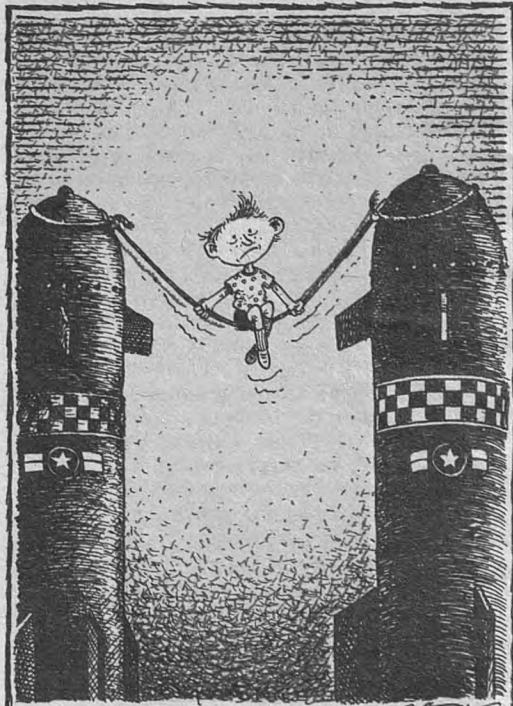

Иллюстрация Сергея Акхмедунова

«Литература излечивает от неискренности»

Как научиться писать? Как из журналиста стать писателем? Как одновременно сделать карьеру и остаться счастливым? Эти вопросы, кажется, со дня основания факультета журналистики задают всем его почетным гостям.

И вот теперь ответ держал 82-летний английский писатель. Счастье, на его взгляд, с карьерой сочеталось неважно, потому что быстрая карьера «не всегда гарантирует хорошие отношения с людьми». Из журналиста становится писателем необязательно: это «во-первых, трудно, во-вторых, явно неденежно». Как научиться писать? Тут Грин задумался...

Откроем томик его мемуаров «Пути бегства»: «Мне было 22 года, я только что перенес операцию аппендицита и получил — на время выздоровления — отпуск от газеты «Таймс». В родительском доме в Беркхэмстеде посреди салона гордо высился секретер, который меня прекрасно устраивал — ведь откидная крышка этого сооружения была достаточно широка, чтобы разложить на ней все те листы линованной бумаги, которые я навываливал из школьных тетрадей. Это было пятьдесят лет назад, я только что позавтракал и сел писать исторический роман...

До сих пор не могу понять, почему на всю жизнь я запомнил написанную тогда первую фразу, начисто позабыл все остальные. Она была весьма неудачной, та фраза, я хотел ее изменить, но так и не решился — может, оттого, что боялся предать того молодого человека, каким я тогда был. «Как последний луч солнца», — писал я, — добирается до конца дня, так и он добрался до края обрыва, глянул вниз и чуть не вскрикнул от радости, увидев лес у своих ног...»

— В общем, я написал ужасный роман, — подытожил Грэм Грин. — А до него два